Сестренка в собственность, или Виновато фото

Автор:
Наталия Алексеева

Сестренка в собственность, или Виновато фото

Наталия Владимировна Алексеева

Виноваты звезды

Валерия учится в выпускном классе и мечтает стать звездой танцевальной сцены.

Случайное знакомство и цепь необдуманных решений приводят ее в жуткий заброшенный особняк. Кто настоящий хозяин дома? Какую страшную тайну скрывает запертая дверь? Почему мертвая девушка, появляющаяся в зеркалах, так похожа на пока еще живую Валерию? И почему во всем виновато фото?

Наталия Алексеева

Сестренка в собственность, или Виновато фото

Когда за ней захлопнулась дверь, девушка не помнила. Возможно, вчера, а возможно, много дней назад. Воспоминания смешались и ухнули в черную воронку. Непроницаемая темнота окружала ее. И все та же ватная тишина.

Есть уже не хотелось – голод превратился в боль, а жажда приклеила язык к нёбу. Она больше не кричала – силы покинули ее. Тонкие пальцы с обломанными ногтями вцепились в порог, а потрескавшиеся губы сжались в предсмертной судороге.

С последним вздохом душа ее вырвалась на волю и, минуя преграды, устремилась прочь. Но тонкие нити, крепко связывавшие ее с телом, не отпустили. Одинокая и напуганная, она обрела пристанище в зазеркалье.

Глава 1

Черно-белая картинка

Вмешательство лунного медведя избавило меня от заточения в призрачном замке. Это я теперь понимаю, что медведь был реальным человеком, а замок – загородным коттеджем. Но тогда мне все казалось ненастоящим. А началось все с листовки о розыске.

Помню, я стояла в школьном холле и таращилась в объявление на стенде меж двух колонн. Подошла сюда, чтобы прикрепить сообщение о наборе в стрит-дэнс-студию, да так и залипла. Плохая копия объявления о розыске приковала мое внимание.

Мимо сновала суетливая мелкота, бестолково носились пятиклашки и степенно шествовали на урок девы из параллельного одиннадцатого. Из столовки веяло свежими булочками, а с черно-белой фотографии грустно улыбалась девушка с ультракороткой стрижкой.

– У! – Кто-то жестоко ткнул меня в бок так, что я взвизгнула, дернулась и выронила свой листик.

– Таська! – возмутилась я, потому что недостойно так поступать с лучшей подругой – налететь внезапно и со спины. – Поганка, что ты делаешь! Ненавижу это!

– Чего ненавидишь? Вот это? – И она еще разок прошлась по моим ребрам.

Я довольно чувствительно шлепнула ее по пальцам.

– Что ты там увидела? – Пока я нагибалась, чтобы подобрать свой листок, она бесцеремонно влезла передо мной и вперилась в стенд.

Я не обиделась. Как можно обижаться на человека, который на целую голову ниже, знает тебя вдоль и поперек, да еще и является твоей опорой и поддержкой с самого первого класса?

– Валери, и чего ты тут зависла? Сейчас звонок будет! Любаша нам опоздания не простит. Тем более в первый же понедельник учебного года, – Таська нетерпеливо выдернула у меня из рук объявление о наборе, сорвала со стенда ксерокопированную фотку и сунула мне. – Никому это старье уже не интересно! – заявила она, бросив взгляд на фотографию. – Когда эта девчуля там пропала? Уже год в розыске, и никто ее не ищет, – подруга возмущенно фыркнула и цветными кнопками плотно приконопатила мое объявление на освободившееся место.

Вот всегда она так – пока я раздумываю, рефлексирую, разглядываю что-нибудь, Таська хватает и делает. Не факт, конечно, что качественно, но делает же! Она хоть и коротышка, но чрезмерно бодрая. Энергия у нее плещет аж через край. И ярко-огненные волосы, торчащие в художественном беспорядке, олицетворяют ее неуемную натуру.

Вот, например, не далее как вчера она уговорила меня сделать необычную прическу. Для меня – на все сто необычную. Я всегда ношу распущенные – мне мои волосы очень нравятся: редкий пепельный цвет от мамы мне достался, и только в школе хвост завязываю, чтоб не придирались.

Но Таська сказала что-то вроде: «Тебе пойдет» и «К твоим вишневым зеркалам души – самое то!» И не поленилась же – весь воскресный вечер убила: сама плела мне эту тысячу тоненьких косичек, благо длина моих волос, до лопаток, позволила. А потом каждую раскрасила в разные цвета. Так что теперь я являла собой нечто среднее между якутским шаманом, Снуп Доггом и Шакирой с афрокосичками.

Обычно я Таську уравновешиваю. Но вот сегодня, похоже, она меня переборола, и мы понеслись через две ступеньки, невзирая на вопли коридорного цербера, в кабинет истории.

Класс был полупустой, но задние парты оказались уже забронированы сумками и торчащими кое-где одинокими фигурами одноклассников. К счастью, Любаша еще не пришла, и мы плюхнулись на предпоследнюю парту. Прямо перед Максом Вербицким – мрачным выходцем из потусторонних миров. Сам темноволосый, вечно ходит в черном и всегда хмурый. Никогда не видела, чтобы он улыбался. Да и с чего ему веселиться? Репутация у него в школе – не дай боже! Хотя толком никто про него ничего не знает – все основывается на историях пятилетней давности и нелюдимости Вербицкого. Слухи о нем ходят разные, но общаться с ним – все равно что публично признать за собой принадлежность к уличной банде. Друзей в классе у него нет. Впрочем, в нашем классе это не редкость, мы с Таськой, скорее, исключение.

За неимением лучшего места, мы швырнули сумки на парту. Вербицкий посмотрел на меня и хмыкнул, что, видимо, означало у него крайнюю степень веселья. Начали подтягиваться одноклассники. И практически каждый оглядывался на меня.

Когда Любаша вплыла в кабинет, она тоже обратила свой взор в мою сторону. Ну, по-другому и быть не могло, и я заранее приготовилась ко всеобщему вниманию, когда соглашалась на вчерашний Таськин эксперимент. Внимание я ценю в любом виде: восхищение и поклонение, зависть и ненависть. Но не насмешки! Не ожидала, что это будет так неприятно. Одно дело, когда тобой восторгаются, другое – когда оценивают. А то еще и ржут над тобой.

– Тихонова Валерия, – Любаша шмякнула журнал на стол, и он сам собою раскрылся на нужной странице, – что у тебя за «скитлс-стайл» на голове?

Я притворилась глухонемой.

– Встань, когда к тебе обращается учитель, – сама же она грузно опустилась на стул. – И отвечай, когда тебя спрашивают.

– А что такое? Все должны под одну гребенку быть? – попыталась защитить свое творение Таська.

– Шевцова Анастасия, ты бы лучше помолчала, огневушка-поскакушка наша, – размеренным голосом отреагировала училка. – Тебе гребенка точно не помешает.

Как Любаше удается оставаться меланхоличкой, будучи нашей классной, не понимаю. Природный дар, наверное. Под ее взглядом Таська медленно начала сползать под парту.

– Это самовыражение, Любовь Юрьевна, – мне пришлось отбросить амплуа Бетховена.

– Дай-ка сюда дневник, я тоже самовыражусь, – пообещала классная. – А мама твоя пусть почитает.

– А вы думаете, она меня не видела? – Я потащилась через весь кабинет, чуть притормозила у первой парты, где, завесившись темно-русой челкой, обретался Гор. Кажется, он единственный, кто на меня сегодня даже не взглянул. А ведь мог бы и поинтересоваться, что такое со мной происходит и чего это классная ко мне докопалась. Но он сидел, уткнувшись в телефон. Наверное, перелистывал фотки своих любимых рэп-музыкантов или строчил тексты для будущих битов.

Остаток урока прошел без эксцессов, если не считать того, что, когда я вернулась на свое место, Вербицкий дернул меня сзади за волосы, привлекая внимание, чего за ним раньше не водилось. Но мало ли – целое лето прошло. Кто знает, что у этого мизантропа в голове делается. Может, он перевоспитался. Я обернулась.

– Лерка, – Макс прищурил левый глаз и навалился на парту, стараясь податься ближе, – в цирке работать собралась? На фига в одиннадцатый пошла? Метнулась бы сразу в цирковое училище.

А, нет. Все как было – не перевоспитался, остался все тем же человеконенавистником.

– Дурак, – сказала я. – Отвали.

После большой перемены намечалась физкультура, поэтому мы с Таськой не стали заморачиваться обедом, а наскоро закусили теплыми булочками с корицей. Школа у нас так себе, не самая престижная в районе, а вот булочки с корицей тут пекут просто замечательные – в меру сладкие, мягкие и ароматные.

Но Таська съела только одну, потому что вечно на диете. А я – три, мне все равно, на репетиции так вымотаешься, что про лишний вес и речи не идет.

Когда мы зарулили в раздевалку, там уже вовсю шло обсуждение парней. Кто вырос, кто похорошел, кто, наоборот, пострашнел. Я в этом участие принимать не стала: не люблю свои пристрастия напоказ выставлять. Тем более что один из объектов сплетен – мой бывший. И я представляю, как все наши курицы радуются, что теперь уже бывший.

Мы были одной командой: Гор, я и Таська. Изредка милостиво брали в свою компанию особо страждущих, благо в них недостатка не было. Почти целый год мы были самыми заметными и обсуждаемыми людьми в школе. Даже называли себя на иностранный манер: Настя у нас стала Тэсс, я – Вэл или Валери, а Егор – Гором. Тусовались мы оторвано: ночные клубы и дискотеки, концерты и фестивали. Мама едва переносила мой образ жизни, но я старалась задобрить ее хорошими оценками и примерным поведением. А потом все рухнуло, и мы перестали общаться. Таська мне этого до сих пор простить не может. Мы переоделись и вышли на улицу. Погода стояла отличная – сентябрь в Питере гораздо лучше июня. Я остановилась на крыльце, Таська рядом. Мы наслаждались атмосферой. Легкий осенний ветерок никоим образом не колыхал мои дурацкие косички. Вдруг Таська толкнула меня в бок. Ну что за гадкая манера!

– Смотри, новенькая в параллельном!

Действительно, девчонку было трудно не заметить: прямые иссиня-черные волосы до плеч, косая челка на один глаз, фарфоровая кожа. В ослепительно-белой толстовке и таких же кедах.

– На японку похожа, – оценила я, и мы отправились на построение, пожалев физрука.

Он так натужно дул в свисток, призывая классы, что приобрел цвет спелого баклажана, глаза же, напротив, напоминали пару недозрелых яблок-антоновок.

Обычно физрук мужик нормальный, тем более у нас – девочек – занятия ведет крайне редко. Вот как сейчас. Наша-то училка в декрет летом ушла, а замену

еще не подобрали. Остапчук – Стопка, как его прозвали за созвучие фамилии и трепетной любви к данному предмету посуды – вынужден сегодня вести уроки и у парней, и у нас. Да еще и у обоих параллельных сразу. Вот он и распсиховался.

Построил девок с одной стороны футбольного поля, мальчишек – с другой и метался между. Я, конечно, воспользовалась ситуацией и бросила взгляд на шеренгу парней.

Гор – Кисличенко Егор – оказался рядом с Вербицким. О-оу, взрывоопасная смесь. Эти двое друг друга с шестого класса не выносят. С самого первого дня, как Макс появился в нашем классе. Но тогда Вербицкий росточком намного меньше Егора был. Зато сейчас, смотрю, перегнал. Да к тому же Макс заметно возмужал. Если, не дай бог, сцепятся, то Кисличенко точно кранты. Несмотря на всю его увертливость.

А Гор все такой же: стройный, гибкий и неудержимо привлекательный. Не только для меня. Когда он по школе идет, у девчонок, кто старше восьмого, только что слюни не капают. А ему все равно: в ушах таблетки наушников, и не слышит он девчачьи причмокивания, а на их ресничные похлопывания просто внимания не обращает. А может, только вид делает, что равнодушен к подобному проявлению чувств. И как меня угораздило с ним расстаться? Все из-за одного его предложения, которое я так и не решилась принять.

Я все смотрела и смотрела. Интересно же, как он там? Хоть мы и разошлись, но как-то без объяснений, разборок и расставления точек над известными буквами. Даже и не совсем ясно: мы точно не вместе? Но, судя по тому, что он на меня за эти дни ни разу не взглянул, – точно.

Вдруг боковым зрением я заметила какое-то мельтешение на дальнем краю девчачьей шеренги. Таська всеми мыслимыми и немыслимыми способами подавала мне сигналы, чтобы я прекратила пялиться на Кисличенко и не позорилась на глазах у всех.

На мое счастье, Стопка погнал нас круги по стадиону наворачивать, а парней оставил в футбол играть.

Мы с Таськой обогнули школу и подперли кирпичную прохладную стенку, скрытые от не самого бдительного ока физрука.

– Валери, что делать думаешь? Надо как-то выравнивать ситуацию.

Таськин оранжевый спортивный костюм ярким заревом контрастировал с серой кирпичной кладкой, как и сама она вечно выделялась на фоне однообразной толпы.

Я пожала плечами. Чего я буду объяснять лучшей подруге то, что она и сама прекрасно знает? Драма разворачивалась у нее на глазах, можно сказать. А ведь все у нас с Гором так хорошо сперва складывалось!

В начале прошлого учебного года, после осенних каникул он неожиданно подвалил ко мне с просьбой помочь ему по химии. Зачем ему нужна была химия – непонятно, похоже, просто как повод. Потому что дальше он вел себя как ошалелый: таскался за мной везде, на все мои выступления приходил, к себе на записи приглашал.

Я и не заметила, как стала его постоянной спутницей и предметом ненависти большинства девиц нашей школы.

– Вэл, я от тебя без ума, – дышал мне в ухо в подъезде, провожая после репетиции, – мы как две ноты в одной мелодии.

Кто бы мог подумать, Кисличенко – романтик!

Но, как две совершенно разные ноты, мы часто входили в диссонанс, и тогда это было похоже на истерическую какофонию звуков – ругались мы надрывно и эмоционально. Я до сих пор храню нашу безумную переписку в телефоне. Иногда перечитываю, растравливая себя воспоминаниями.

Наши отношения стремительно начались, бурно разворачивались, но очень резко закончились. Сразу после десятого класса. А в июне мы с мамой укатили на юг.

И теперь придется что-то делать, попытаться восстановить статус-кво, потому что терпеть такой удар по репутации я не намерена.

Я очнулась от воспоминаний, пнула Таську, забывшую обо мне и залипшую в телефоне, и мы отчалили.

– Валери, хватит страдать. Сделай что-нибудь. Напиши ему, позвони. Разреши уже ваши непонятки! Принимай решение!

– Не могу.

Мы медленно трусили к стадиону.

– Ты же хочешь его вернуть?

– Хочу, – я разве что не плакала.

– И я хочу! Начни действовать! – требовала Таська.

– Не могу. – На меня будто ступор какой-то нашел. Ну не знала я, что делать в такой ситуации и как поправить рухнувшее в один миг взаимопонимание!

Подруга моя была одной из немногих, на кого Гор не производил чарующего впечатления. Ее больше привлекала возможность таскаться по клубам, потому что Кисличенко мог устроить бесплатный проход почти куда угодно. А Таську хлебом не корми, дай потусить. Да еще на халяву.

Тут мы вывернули к футбольному полю, и я чуть не растеряла все свои жизненно важные органы.

На поле, привалившись с одной стороны металлической сетки, стоял Егор, с другой стороны – новенькая Японка из параллельного. Судя по лицам, они вели приятную светскую беседу, плавно переходящую во флирт. Знала бы я, что так случится, прозвала бы ее Чукчей.

– Отвернись и дыши, – прошипела мне Таська.

Остаток физры я, сославшись на заболевший живот, провела в школьном туалете, горестно обгладывая кости потерянных отношений, зализывая раны разодранного тщеславия и проклиная дебильные косички, которые меня не украшали. В общем – злясь на весь мир.

Но, как я вынесла со своих занятий уличными танцами, даже если ты проигрываешь, нельзя терять лицо. Ни-ког-да. Домой я уходила с внешним бесстрастием Будды.

– Валери, – подпевала мне в такт Таська, – с твоими данными убиваться просто глупо. Посмотри вокруг: толпы желающих познакомиться с такой красотой. Найди кого-нибудь, пусть Кисличенко приревнует, и – вуаля, он снова твой. И опять начнем тусить не по-детски, – засмеялась она.

Я что-то подобных страждущих, стоящих в очереди за моим вниманием, не наблюдала, но предпочла не спорить.

Мы с Таськой живем в одном подъезде, поэтому всю эту подбадривающую чушь и мечты о будущих тусовках я слушала до самого дома.

В парадной нашей хрущевки пахло пельменями – кто-то из соседей готовил обед. Я распрощалась с Таськой на втором этаже и взлетела на свой пятый. Мама была дома, на сутки ей только завтра. И оказалось, пельменный обед готовила именно она. Ну и прекрасно, обожаю полуфабрикаты. Я совершенно не зациклена на здоровом питании, здоровом образе жизни и еще на чем-то там здоровом. Хорошо, что и мама тоже, иначе бы мне совсем тяжело жилось. Потому что мама зациклена на правильном и позитивном мышлении. А выливается это в то, что я просто обязана хорошо учиться и планировать свое будущее в верном направлении.

Она выглянула из кухни и повозила ладонями по переднику с веселенькими утятами, смахивая муку.

– Леруня, быстренько мой руки – и за стол. У меня новость! – и убежала обратно.

Я полюбовалась ею со спины: в домашних бриджиках и футболке она казалась моей ровесницей. Ей тридцать пять, но нас этим летом в Турции за сестер принимали. Правда, все больше турки, но и наши иногда подкатывали. Маме было приятно, я видела.

Быстренько скинув свои любимые «Конверсы», я ушла к себе переодеваться. Через минуту сидела в нашей пятиметровой кухне за столом, покрытым нежно-голубой скатертью. На нас двоих с мамой такой кухни вполне достаточно. А

когда она уходит на сутки, даже с избытком. Не люблю быть дома одна, но что поделаешь. Раньше с нами жила бабушка. Она до жути обожала смотреть бандитские сериалы и фэнтези-фильмы. И, наверное, от нее мне передалась такая сильная любовь к сказкам и волшебным историям. А вот кровавые разборки на экране мне как-то не полюбились. Мы часто проводили вместе вечера, но, когда мне было лет одиннадцать, бабушка вышла замуж и переехала в Великий Новгород.

Мама – наш единственный кормилец, поилец и шмоткопокупалец. Так она говорит. Она работает неонатологом в частной клинике – принимает новорожденных детишек в этот мир.

– Что там у тебя за новость? – Я зачерпнула сметану и плюхнула в тарелку поверх горки пельменей. – Кстати, – вспомнила я, – тебе тут классная привет передавала. В моем дневнике.

– Не поняла, – мама сделала строгое лицо.

– Замечание по поводу моего внешнего вида. – Для наглядности я тряхнула головой, и косички радужными лентами мелькнули у меня перед глазами.

– А, – она махнула рукой и откинулась на спинку стула, – я тебя предупреждала – не поймут. Не все настолько лояльны, как я, и способны дать подрастающему поколению возможность для самовыражения.

– Во-во, – обрадовалась я, – я так и сказала про самовыражение.

Отличная все-таки у меня мама, несмотря на позитивный образ мыслей.

– Так что за новость? – вспомнила я, набивая рот пельменями. – Замуж собралась? – Я хрюкнула, представляя, насколько нелепо это звучит.

– Да, – мама округлила глаза и аккуратно сложила ручки на скатерти.

Недоеденный пельмень едва не выпал у меня изо рта.

– Шутка, – успокоила она, видя мое полуобморочное состояние. – Что, испугалась?

Мама хихикнула, радуясь, что так удачно поймала меня на моей же подколке. Я лишь сглотнула в ответ и спряталась в чашку с чаем.

– Я договорилась с профессором! Ты бы знала, чего мне это стоило, – пожаловалась она. – После уроков ты будешь посещать его подготовительную группу в институте. Он – просто чудо, гений! И главное, все, кто занимался у него, все его ученики поступили на бюджет.

Ну что ж! С профессором так с профессором. Главное – выкроить время для танцев, остальное – позарасти! Мама хочет, чтобы я пошла по ее стопам, поступила в медицинский и стала врачом. Потому что следует обеспечить себе надежную профессию в жизни, и так далее и тому подобное. Очень долго, очень скучно и очень много слов. Сплошное позитивное настроение и правильное направление мыслей. Однако с мамой лучше не спорить – она готова пойти навстречу, когда дело касается внешнего вида, друзей или увлечений. Но только в том случае, если они все вместе взятые не мешают поставленной ею цели. До сих пор явных противоречий не случалось – училась я прилично, и маме этого было достаточно. Мне не хотелось даже воображать, на что способна мама в случае противостояния. Потому что она у меня железная. Вырастить дочь в одиночку, выучиться в вузе и содержать нас троих, пока с нами жила бабушка, дорогого стоит. Так они обе всегда говорили.

Я погрузилась в себя и продолжала рассеянно кивать, пока одна ее фраза не выдернула меня в реальность.

– Оставишь наконец свои дурацкие танцы и начнешь заниматься учебой по-настоящему.

– Мама! – Я возмущенно бросила вилку. В тарелке, в лужице растаявшей сметаны, плавали четыре пельменя. – Я и так занимаюсь!

– Этого недостаточно, – в мамином голосе появились железные нотки: – Ты прекратишь посещать дэнс-студию и полностью посвятишь себя подготовке к поступлению в институт!

– Я этого не сделаю!

– Сделаешь! Твои занятия оплачиваю я, поэтому и решать тоже буду я!

Откинувшись на спинку стула, я обхватила себя руками. Я чувствовала, что губы мои предательски дрожат, и крепче сжала их. Уставилась на маму упрямым «бараньим», как она его называла, взглядом. Но у самой в глазах уже собрались слезы, готовые выплеснуться, доказывая мое бессилие.

– А как же конкурс в Москве? Ведь он же вот-вот! В осенние каникулы! Я обязательно должна выступать! Как ты не понимаешь?! Я столько работала ради этого, я так ждала!

Я чувствовала, что сейчас расплачусь. Нет – разревусь. Как дошкольницей ревела из-за невыполненного мамой обещания сводить меня в цирк, или в кино, или еще на какую-нибудь ерунду, которая мне сейчас и даром не нужна, а нужно только одно – чтобы мне позволили заниматься тем, что я обожаю.

– Леруня, – мама попыталась перейти на примирительный тон, – нельзя всю жизнь задницей на сцене крутить! Выступишь где-нибудь еще: в школе например…

– В школе?! – Я расхохоталась, и слезы все-таки поползли по щекам, застилая все и смешивая в один разноцветный витраж голубенькую скатерть, календарь с рыжим котом на стене, фиалки на подоконнике и мамино строгое лицо. – Ты сама не понимаешь, что говоришь! Мой уровень – это всероссийские соревнования по современному танцу! – закричала я и вскочила, с грохотом опрокинув стул.

Но мама была непоколебима:

– Не смеши меня! Танцы любого уровня – это только хобби. Если имеешь цель, стремиться к ней надо, не отвлекаясь на побочные развлечения.

– Это ты имеешь цель, а не я! На фиг мне твой медицинский институт сдался, если из-за него я должна бросить танцы! Они – моя жизнь! – Слова полились из меня неконтролируемым потоком: – Если не ошибаюсь, то примерно в моем

возрасте ты-то как раз и отвлекалась на побочные… ммм… развлечения!

Это был удар ниже пояса. Мама родила меня в семнадцать. Даже я понимала, что перегнула, поэтому ее приказ уйти к себе выполнила беспрекословно. Правда, не забыв в знак протеста как следует хлопнуть дверью.

Завалилась на кровать и воткнулась в планшет. Пролистала ленту новостей ВКонтакте. Ничего интересного. Помимо нескольких приглашений в совершенно ненужные мне группы, было два личных сообщения. Одно от Sh. Tass – Таськи, другое от Вербицкого Макса. Боже мой, этому-то что от меня понадобилось?

Озадаченная, открыла его сообщение первым.

«Не передумала?» И стикер – клоун с радужной шевелюрой.

Вот докопался! Я разозлилась, отшвырнула планшет и начала судорожно расплетать косички. Но хитроумная Таська закрепила их на концах тонюсенькими резиночками, и теперь я, охваченная яростью, только что не вырывала собственные волосы.

Чтоб оно все пропало! Через несколько минут дерганья себя за волосы я выдохлась и так, с растрепанными патлами, местами заплетенными в разноцветные плети, устало растянулась на кровати. Снова нащупала планшет и проверила Таськино сообщение. Она напоминала мне, что в субботу у нее днюха, и приглашала в клуб «А2» ровно к семи.

Я начала размышлять, что бы ей подарить и как удобнее добраться до клуба. На совместный путь к месту рандеву я даже не рассчитывала, хоть мы и живем в одном подъезде. У Таськи тысяча парней, готовых сопровождать ее куда угодно, и она этим пользуется. При этом умудряется со всеми ними сохранять дружеские отношения и не иметь крепкой привязанности ни к одному. Я так не умею – зациклилась на Кисличенко и не знаю, как вернуть его. Я почувствовала себя самым несчастным человеком на земле.

Пиликнул сигнал еще одного оповещения – на страничке группы, которую вела моя преподавательница уличных танцев, появился репост о соревнованиях в Москве. Я осмотрела красочную картинку с изображением счастливых танцоров, облаченных в рваные джинсы и белые майки, и, откинувшись на подушки,

взвыла.

Как же меня бесило нелепое мамино требование бросить танцы! И все из-за какого-то института. Я даже врачом быть никогда не хотела! Это мамина идея. Но, похоже, она настроена серьезно, и у меня нет выбора. Занятия, действительно, оплачивала она, моей заслугой были только награды за выступления.

Они рядком стояли в шкафу за стеклом. Всхлипывая, я сползла с кровати и взяла в руки золотой кубок. На полке еще оставались два серебряных. Я нежно погладила прохладный металлический бок, прошлась указательным пальцем по выемке и выгравированным буквам своей фамилии.

Вручали мне этот кубок летом на городском конкурсе индивидуального танца в стиле стрит-дэнс, и достался он мне нелегко.

К стойке регистрации участников я подлетела тогда вся в мыле. Мало того что на улице стояла невиданная для Питера жара градусов в тридцать, я еще и бежала остановки три. Под мышками у меня расползлись пятна от пота, щеки горели, волосы прилипли ко лбу. Трясущейся от напряжения рукой записала на самой последней строчке свое имя, фамилию и клуб, за который буду выступать, и рванула в раздевалку.

– Валерия, ты почему так долго? – Верочка – наша тренер – нетерпеливо притоптывала белой кроссовкой. – Что за раздолбайство?! Тебе выступать минут через двадцать!

Ну не могла же я ей объяснять, что сопровождавшей меня Таське сначала приспичило купить мороженое, потом она решила принять предложение познакомиться от двух переростков в одинаковых бейсболках, а потом сломался трамвай, на котором мы ехали?

– Переодевайся и жди!

Я выдохнула, бросила рюкзак на скамейку, где были кучей свалены вещи нашей команды, и отправилась на поиски туалета. Вернулась освеженная и собранная. Верочка учила нас: «Не теряйте лицо, девочки, – вам им еще на концертах торговать!» Но когда я расстегнула молнию на рюкзаке, то потеряла не только

лицо, но и остальные части тела. Все в рюкзаке было залито апельсиновым соком! Все: майка, брюки, рубашка, а самое ужасное – шнурки кроссовок оказались туго стянуты и завязаны многократным узлом. А до выхода на площадку оставались считаные минуты! Выяснять, кто устроил мне эту подлость, времени не было и, схватив рюкзак, я бросилась обратно в туалет. Вытряхнула в раковину одежду и включила воду. И, пока костюм отмокал, зубами развязывала один узел за другим. Так меня и застала подоспевшая Таська:

– Валери, ты что делаешь?

Она держала в руках бутылку с водой и томно обмахивалась пригласительной листовкой.

– Помогай давай!

Я всучила ей вторую кроссовку, и она с недовольной рожицей начала колупать узлы. Я уже закончила со своими и, выполоскав замоченную одежду, отжала и надела майку.

– Ты еще лифчик сними! – хихикнула подружка. – Будет конкурс мокрых футболок – точно первый приз возьмешь!

– Я его и так возьму!

Отобрала у нее кроссовку, обулась и завязала шнурки своим фирменным двойным узлом.

Выступление в мокрой одежде я обыграла: выскочила на танцпол и, подстроившись под музыкальную композицию, вылила на себя Таськину бутылку воды. Как я и обещала – первый приз достался мне.

Я вздохнула и вернула кубок на место.

Сколько ни откладывай, а уроки делать придется. Я уселась за стол, вытряхнула из сумки свое барахло прямо на пол. Так удобнее – сразу видно, что там есть. И

тут на глаза мне попалась та самая ксерокопированная листовка о розыске со школьного стенда. Видимо, поторапливаемая Таськой, я машинально засунула ее в сумку. Бумажка выглядывала из-под учебника по истории, как потерявшийся щенок в надежде обретения новых хозяев.

Я положила листок перед собой, расправила ладонью и принялась разглядывать. Даже очень короткая стрижка не делала это правильной формы лицо с оленьими глазами похожим на мальчишечье. Девушка на фотографии улыбалась чуть грустно и как-то чересчур трогательно выглядела. Ну просто Бемби какой-то!

Я отложила листок в сторону и взялась за учебник по химии: если уж маме пренепременно требуется мое поступление в вуз, придется приложить хоть какие-то усилия. Может, тогда она от меня отстанет и я смогу продолжать свое любимое дело.

Соединения молекул углерода и водорода на обложке напоминали гантель, упавшую в траву, и абсолютно не мотивировали меня на изучение химических процессов.

Мой взгляд снова зацепился за черно-белую фотку, и я поняла, почему она так неумолимо притягивала меня и на кого была похожа эта девушка.

Глава 2

Пропащие девчонки

Утром, когда я выползла из своей комнаты, мама уже стояла в коридоре возле зеркала, готовая уйти на работу. Вчера, после нашей размолвки, мы так и не разговаривали. И не потому, что я такая упертая. Просто мама, если решила добиться своего, то уж обязательно добьется. Неделями может со мной не общаться, пока я сама не повинюсь. Железобетонная мадам.

Я встала рядом с ней: она – на каблуках, в узких джинсах и кожаной куртке, я – в тапочках-зайцах и мятой розовой пижаме с сердечками, она – с аккуратной стрижкой-каре, я – со взлохмаченными разноцветными патлами.

– Ну? – спросила она меня в зеркале.

– Извини, – вяло промямлило в ответ мое отражение, – я тебя вчера обидела.

– Хорошо, что ты это понимаешь. – Мама смягчилась: – Завтрак на столе, там же адрес и расписание занятий в профессорской группе. И приведи в порядок голову. Такие волосы, как у тебя, стоит беречь!

Я чмокнула ее в щеку и потянулась закрыть за ней замок.

– И больше никаких танцев! – донеслось из-за полуоткрытой двери.

Дверной хлопок принес мне огромное наслаждение. Я быстро щелкнула ключом на два оборота. Если можно было бы больше, то крутила бы ручку замка до бесконечности – настолько меня выбесила ее последняя фраза.

Я, недовольная, прошлепала на кухню и тут же размякла. В воздухе витал аромат ванили и свежезаваренного чая. На столе меня ждали золотистые сырники, стакан сметаны и мамины указания в блокноте.

Но расписание подготовительной группы неумолимо перечеркивало время занятий в моей стрит-дэнс-студии. Я с ненавистью скомкала бумажку и опустилась на стул. Что же, я так вот сдамся, предам мои увлечения, страсть мою и даже протестовать не буду? Против танка не попрешь, и на танцы мне путь закрыт, но сделать кое-что с собой мне никто не запретит. Моя жизнь – что хочу, то и творю!

Я метнулась в ванную комнату. Наши зубные щетки: моя красная и мамина оранжевая – были еще мокры, на мыле пузырилась пена, и пахло мятной пастой.

Попытавшись расчесать спутанные пряди, я плюнула на эстетику и открыла навесной шкафчик. Большие остро заточенные ножницы удобно легли в ладонь. Но тут мне пришла в голову одна идея. Это гораздо интереснее, чем обкорнаться собственными усилиями.

Хитро улыбнувшись своему взлохмаченному отражению, я положила ножницы на место, быстренько написала эсэмэску Таське, чтоб не ждала меня, потому что

в школу я сегодня не приду.

– Такие волосы надо беречь! – громко повторила я мамины слова и ехидно ухмыльнулась.

Все еще посмеиваясь, набрала телефон тети Лены – нашего мастера-парикмахера.

К счастью, у нее нашлось для меня время, и уже через час я сидела в кожаном вертящемся кресле напротив огромного ярко подсвеченного зеркала. В кабинете пахло розовыми нотками кондиционера и стоял теплый дух от недавно работавшего фена.

Я протянула тете Лене предусмотрительно обрезанную листовку с изображением короткостриженой девчонки.

– Ты хорошо подумала?

Я кивнула. Тогда тетя Лена надела передник «Schwarzkopf» и взялась за ножницы.

Похоже, она сомневалась в разумности принятого мною решения. Я – нисколько. Мне даже не обидно было видеть, как на пол падают пепельные локоны, выкрашенные в ядовитые цвета.

Когда все было закончено, я еще раз вгляделась в смазанную черно-белую картинку. Сомнений больше не было: теперь я окончательно похожа на пропавшую год назад девушку, как родная сестра. Зачем мне это нужно? Я не знала. Но то, что судьба подкинула мне ее фотку, не могло быть простым совпадением. К тому же, обрезав свои волосы, я безусловно испорчу настроение маме. Она ведь мне портит!

На вечерние занятия в профессорской группе я уже явилась в образе изящной молодой леди со стрижкой «пикси». И, судя по косым взглядам будущих студенток и покрасневшим щекам абитуриентов мужского пола, она мне шла.

Занятия были назначены в большой гулкой аудитории. Оглядевшись, я выбрала место подальше от кафедры. Установленные полукругом сиденья создавали впечатление цирковой арены, но вместо конферансье появился бодрый старичок-профессор в белом медицинском халате и, нет чтоб занять кафедру, водрузил стул прямо напротив меня. Пришлось сделать вид, что я его слушаю.

Но, вопреки ожиданиям, его лекция мне понравилась – он оказался не таким занудой, как я сперва подумала. И когда он вдруг обратился ко мне, я даже обрадовалась – снова стоять на виду у всех, пусть не на сцене, но на глазах у многих, – ни с чем не сравнимое удовольствие!

– Девушка! Да-да, вы! – Он поманил меня узкой ладошкой, и я спустилась вниз. – Берите мел, рисуйте!

Я растерянно оглядела нижний край доски, на которой должна была что-то рисовать. Мела там не было.

– Хо-хо-хо! – совсем как Санта-Клаус, рассмеялся профессор, бодро подпрыгнул со стула, схватил кусок мела с кафедры и протянул мне. – Пишите! – снова скомандовал он и начал диктовать.

Я старательно выводила буквы и наслаждалась вниманием аудитории за спиной.

– Данный рисунок доказывает, – комментировал профессор, – и вы, надеюсь, это видите, невозможность рождения кареглазого ребенка у светлоглазой пары. Вот у вас, девушка, – он энергично обежал меня и заглянул в лицо, – у кого из родителей такие прекрасные глаза?

– У папы, – вздохнула я.

У моей мамы глаза голубые, а у меня – переспелая вишня, как и у отца, фотку которого я храню в секретном месте в ящике своего стола. Это даже не целая фотография, а только половина. Кто-то отрезал стоящего рядом человека. На моей части виден молодой мужчина в черной кожаной куртке, а на плече у него лежит чья-то рука, в которой зажат небольшой золотистый предмет. То ли зажигалка, то ли портсигар. А чья эта рука – неизвестно. Понятно только, что мужская. И на заднем плане – гранитная набережная Невы. Расспрашивать об этой фотографии маму я не решалась. Потому что она терпеть не может

вспоминать о моем отце, это я с годами опытным путем выяснила.

Однажды, когда еще с нами жила бабушка, я искала в маминой комнате сборник стихов Есенина – нам по литературе было задано выучить любое его стихотворение, только не из учебника. Я перебирала книги на полке, как вдруг прямо мне в руки упала эта фотография.

Бабушка на кухне мыла посуду. Вытерев руки о фартук, она взяла протянутую мной фотку и надела очки.

– Спрячь подальше и, главное, маме не показывай, – сказала она, возвращая фотографию.

– А кто это?

– Твой отец, – бабушка тяжело вздохнула и опустилась на табуретку, попутно погладив меня по голове. – Он был нехороший человек.

Меня охватило возбуждение: наконец-то мне рассказывают об отце. Раньше, стоило только его упомянуть, взрослые замолкали или переводили тему разговора.

– Почему?

– Он обманул твою маму, меня и, получается, тебя.

– Как это? Я ведь его даже не видела! – удивилась я. – Сейчас вот в первый раз!

– Вот этим и обманул. Уехал от тебя, а куда – не сказал! Ну да нам и без него хорошо. Правда, Лера? – Бабушка снова потрепала меня по волосам и еще раз попросила не напоминать маме об этом неприятном человеке.

Мне мужчина на фотографии неприятным не показался, у него были такие же, как у меня, темные глаза и ямочки на щеках. Но бабушкину просьбу я выполнила, фотографию спрятала в самый дальний угол письменного стола и маме ничего не сказала. И вот теперь бодрячок-профессор невольно напомнил мне об этом эпизоде.

Но в целом на занятиях было довольно сносно, невзирая на общество ботаников и заучек. Жаль только, что возвращаться домой пришлось после десяти вечера.

Я не любительница ночных прогулок, тем более в одиночестве, тем более в нашем районе, неподалеку от темного лесопарка, где нет ни единого фонарика.

Оставив позади уютно-желтый свет холла метро, я пересекла улицу по пешеходному переходу. Случайные спутники, которые перешли дорогу вместе со мной, свернули кто куда, и я осталась одна. Старые деревья вдоль аллеи покачивали ветвями. От земли тянуло холодом и влагой. Слышался шорох листьев и равномерный цокот каблуков моих туфель. Но мне мерещились тени за спиной и слышался хруст веток под ногами маньяков-убийц. Из-за этого я поминутно оглядывалась и прибавляла ходу. В конце концов запуталась в собственных ногах и чуть не рухнула на кучу свежесметенных березовых листьев. Знала ведь, что нельзя изменять любимым «конверсам» в угоду сверхженственности и напяливать туфли на каблуках! Достаточно было бы и платьица с накинутым поверх плащом!

Спотыкаясь и дрожа от страха, я все же благополучно добралась до дома, ворвалась в квартиру и заперлась на все замки. Скинула злополучные туфли, завернулась в пушистый розовый халат, но только включенный во всех комнатах свет и задернутые наглухо шторы принесли мне успокоение.

Пока грузился ноутбук, я позвонила маме на работу и отчиталась о проведенном дне, благоразумно не упомянув о пропущенных уроках.

А вот в ВК меня ждал неприятный сюрприз. Таська, шпионка недоделанная, прислала мне снятую на телефон фотографию. Отличного качества, надо сказать. Гор и Японка идут рядом. Вид сзади. Вполоборота друг к другу. Улыбаются. У нее косая челка на один глаз и белоснежные кеды, у него узкие джинсы и рюкзак на левом плече. Спасибо, подруга, порадовала!

Хорошо, что я знаю, где лежит снотворное. Бело-голубая коробочка. Это одно из преимуществ, когда твоя мама – врач. Лекарства, которые обычные люди получают только по рецепту, в твоем доме хранятся просто так на полке. Без этих таблеток сегодня мне заснуть бы точно не удалось!

Новый имидж, короткая стрижка и мое появление в школе на следующий день фурора не произвели. Одна лишь Любаша выдала, поймав меня в коридоре:

– Тихонова, этот эксперимент тебе удался больше.

Да еще Таська оценила новую прическу, сказав, что сейчас это самый тренд, и всегда надо пробовать что-то новенькое.

После большой перемены мы сидели в кабинете в ожидании физика. Он, как всегда, задерживался, и ученики, зная эту его особенность, вяло подтягивались в класс. Меня поведение физика вполне устраивало, потому что давало возможность дочитать закачанную в телефон книгу. Я полностью погрузилась в переживания главного героя, как вдруг прямо на экран шлепнулся огромный мерзкий паук. Распластал отвратительные волосатые лапки по желтой странице и желейно затрясся. Я взвизгнула и закрыла лицо ладонями.

О моей арахнофобии в классе не знал, наверное, только совсем не интересующийся людьми человек. И только ленивый не использовал мою боязнь для гадких шуток. Но это осталось в прошлом, мы ж не дети! Ан нет, кому-то и сегодня приспичило поглумиться.

Я продолжала сидеть зажмурившись. У меня такая тактика выработалась: когда мне страшно, я стараюсь не смотреть на эту гадость, а жду, пока кто-нибудь милосердный, вроде Таськи, избавит меня от напасти. Но подруга моя, как назло, застряла где-то за пределами кабинета, и надеяться мне было не на кого. А поскольку одноклассннички мои – народ не самый дружелюбный, то оставаться мне впотьмах еще долго.

Несмотря на все мои усилия оставаться спокойной, внутри все сжалось, во рту пересохло, и я уже готова была броситься вон из класса, как вдруг услышала возню сбоку от себя и осторожно приоткрыла левый глаз. В проходе между партами растянулся Женька Саур, из-за своей странной фамилии прозванный Сауроном, и, как оказалось, не зря. Он самый злобный и доставучий парень в нашем классе. С легкими признаками дебильности и быдловатости. И вот сейчас он валялся на полу, а через него перешагивал Вербицкий с невозмутимо-каменным спокойствием на лице. Открыв оба глаза, я обнаружила, что паука на парте нет, и облегченно выдохнула.

– Макс, ты чего? – возмущенно завопил Саурон, пятясь на четвереньках, как енот в норе.

– Пройти мешаешь, – процедил Вербицкий и швырнул свой рюкзак на парту аккурат позади меня.

Наконец явился физик, следом просочилась незамеченная им Таська. Все заняли свои места и зашуршали учебниками.

– Внимание! – Неожиданно из громкоговорителя разнесся вопль директрисы.

Хлебом ее не корми, дай поорать. Мне так и представляется, как, накричавшись досыта, она выходит из школы после рабочего дня и ни слова не произносит – копит силы. И папка у нее есть специальная. «Поводы для крика» называется.

– Обращаюсь к учителям и ученикам нашей школы! – басила она. – Чрезвычайное происшествие! Сегодня поступила информация о том, что пропали две ученицы десятого «б» класса нашей школы: Сергеенкова Дарья и Ковальчук Марина. Сейчас девочки находятся в розыске. Убедительная просьба: всех, кто что-либо знает об их местонахождении, оказать содействие полиции. И, дорогие дети, – голос приобрел непривычную слащавость: – Соблюдайте осторожность, не вступайте в разговоры с незнакомцами.

Громкоговоритель зашипел и отключился.

– Что за девки? Знаешь их? – обратилась я к Таське: подруга моя всегда в курсе событий.

– Ага, – Таська торопливо вытаскивала тетрадки из сумки, – это две готоподобные курицы. У одной ноздря проколота, другая черные круги вокруг глаз малюет.

Я смутно припомнила тех девчонок. Таська швырнула учебник на стол, застегнула сумку и мотнула головой назад, где сидел Вербицкий:

– Во, такому самые подружки!

Непроизвольно мой взгляд скользнул за ее кивком и столкнулся со взглядом Макса. Отчего-то мне стало неловко. Я почувствовала, как щеки заливает краска, и быстро отвернулась. Неприлично говорить про человека гадости, особенно если он сидит у тебя за спиной и все слышит.

Но Таська уже оседлала своего любимого конька, придвинулась ко мне и жарко зашептала на ухо.

– Я как-то слышала, родаки между собой болтали, что папаша его теперь большая шишка в ФСБ. Так что, если этот решит кого-нибудь на тот свет отправить, то ему точно ничего не будет! – Таська захихикала. – С такого станется!

– Почему ты так думаешь?

– А ты что, не помнишь, как он Кисличенко уделал? – Таська вытаращила глаза: – И папаша его отмазал?

Я кивнула: то была давняя неприятная история.

– Но, по-моему, с тех пор ни с кем конфликтов у него и не было, – вяло возразила я.

– Да? – Таська даже повысила голос, и мне пришлось ткнуть ее в бок. – А то, что он с фингалами на морде ходит, тебя не смущает? – Ее злорадный шепот так и сочился ехидством.

– Ну мало ли, – я пожала плечами, – всякое бывает.

– Бывает, – согласилась Таська. – Может быть, сам папаша его и лупит. Я не удивлюсь.

– Да с чего ты взяла? – Мне уже стало как-то неприятно: зачем придумывать про человека неизвестно что, непонятно на каком основании?

– Да с того, что его даже родная мать бросила!

– Таська! – Теперь уже она одернула меня, чтоб я не возмущалась вслух. – Что ты такое говоришь?

– Говорю, что слышала! А ты со своими танцами вообще не замечаешь, что у тебя под носом делается! – отрезала она, насупилась и переключила свое внимание на доску, на которой уже была начерчена таблица внушительных размеров.

А я, впечатленная ее словами, снова обернулась. Но Вербицкий этого не заметил. Он сидел, склонившись над партой, и сосредоточенно записывал в тетрадь формулы.

Уроки закончились, и мы спустились вниз. Там, снимая свой плащ с вешалки, я была вынуждена наблюдать сквозь прутья решетки, отделяющие гардероб от основного холла, душераздирающую картину. Егор Кисличенко, безучастно подпирающий одну из колонн, вдруг встрепенулся, выдернул таблетки наушников из ушей и подался навстречу спускавшейся по лестнице Японке. И рука об руку, мило улыбаясь, они покинули школу.

Я сделала вид, что мне на них фиолетово, но рукава плаща предательски путались и раздражали меня. Психанув, я перекинула его через ремень сумки.

– Пойти с тобой? – Таськины кошачьи глаза выражали сочувствие, смешанное с любопытством: интересно же понаблюдать, как я отреагирую на подобное предательство!

Я покачала головой. Не хочу жалости, пусть даже и от лучшей подруги.

– Тогда я побежала, – обрадовалась она, – мне еще деньги за билеты надо завезти одному человечку. – Она чмокнула воздух и растворилась.

А я побрела по березовой аллее, цепляя носками туфель желтые листья. Из уличного кафе доносился запах шашлыка, напоминая о лете, но прохладный ветерок не позволял забыть, что уже наступила осень.

– Лерка!

Я оглянулась. Меня настигал Макс Вербицкий. В черной толстовке, которая заменяла ему школьную форму, черных брюках с карманами на коленях и тяжелых черных кроссовках. После всего, что мне наговорила Таська, я смотрела на него каким-то другим взглядом. И внезапно он показался мне Лунным медведем. Такое название гималайского медведя, черного, с белым треугольником на груди, запало мне в душу неожиданно, но показалось чрезвычайно красивым.

В прошлом году я сильно простудилась и провалялась дома дней десять, не меньше. И когда я уже почти выздоровела, как назло отключили Интернет. Это было ужасно – ни тебе в соцсетях посидеть, ни киношку посмотреть. Маясь от безделья, я наткнулась на мамину свежекупленную книгу. Она пахла типографской краской и издала довольное похрустывание, когда я впервые открыла ее. Я начала читать и неожиданно увлеклась. Это была этакая смесь мистики, психоанализа и сказок.

И вот в одной сказке я прочла о лунном медведе, которого приручала маленькая японская женщина. Непросто далось ей доверие свирепого зверя, но ее настойчивость и желание оказались сильнее.

Макс как раз и показался мне лунным медведем. Таким же большим, мрачным и опасным. Из школьной программы и научно-популярных телепередач я усвоила, что медведь – животное непредсказуемое и свирепое. Точь-в-точь репутация Вербицкого. И внешность у него соответствующая. Для полного совпадения не хватало только белого треугольника на груди.

Странно, что до меня никто не заметил сходства, и Макс не носит кличку Гризли, или Гималайский, или что-нибудь подобное. Хотя окрестить его в нашей школе вряд ли кто осмелится. Гор однажды попытался, так теперь они друг друга пятый год обходят стороной. Во избежание.

В шестом классе – Вербицкий тогда только поступил к нам – Егор имел неосторожность обозвать его шепелявым – Макс чуть присвистывает на шипящих. И хотя Макс был на голову меньше Кисличенко, разнять их смогли только с помощью Остапчука и нашего дворника. Вербицкий, как разъяренный бультерьер, вцепился в своего противника, и даже выбитый зуб не отменил его тактику. Весь класс, помню, ходил смотреть на место происшествия, пока уборщица в спешном порядке не замыла кровавые плевки на полу.

Егор недели три с сотрясением мозга в больнице пролежал, а дело Вербицкого отец приходил улаживать. Говорили, что он фээсбэшник со связями, поэтому Максу все сошло с рук.

Но Гор на этом не успокоился. Вместе с группой поддержки, а это не меньше половины класса, он подкараулил Вербицкого за школой. Жаждал мести и удовлетворения. Рассказывали, что Вербицкий даже не стал дожидаться условий поединка. В его руке мгновенно нарисовался выкидной нож. Хотя некоторые утверждали, что это была заточка или что-то подобное. В общем, схватка не состоялась – Кисличенко капитулировал под предлогом невменяемости противника.

С тех пор эти двое друг друга в упор не замечают, а одноклассники предпочитают общество жизнерадостного Гора и, отдавая дань уважения непримиримой хватке Вербицкого, стараются держаться от него самого подальше.

Макс поравнялся со мной. Слава богу, знакомых вокруг не наблюдалось, значит, никто не заметит меня в его обществе.

– Домой идешь?

Я кивнула.

– Слушай, Лерка, извини за сообщение. Ты не обиделась вчера?

Ошарашенная неожиданным вниманием нелюдимого Вербицкого, я только помотала головой.

– Так, значит, не из-за этого подстриглась?

Я рассмеялась. Он думает, что из-за его подколки я могу кардинально поменять имидж? Глупый мальчишка!

– Что ты ржешь? – взъерошился он. – Тебе, между прочим, идет.

– Спасибо, – я стрельнула уголком глаза на высокую темную фигуру рядом.

Удивительно было слышать комплимент от человека, говорившего со мной за все время нашего совместного обучения от силы три раза.

– Ты стала похожа на эльфа. Эльфийку. Не знаю, как правильно выразить, – заулыбался он.

Эта улыбка так преобразила его лицо, что я засомневалась: неужели я шагаю рядом все с тем же мрачным мизантропом?

Вот уж не думала, что подобный тип знает о существовании милых сказочных существ. Мне представлялось, что таких парней занимают только терминаторы, железные люди и GTA с танками, вместе взятые. Но все же было приятно. Его внимание чуть подштопало нанесенную Японкой свежую рану.

– «Властелина колец» пересматривал недавно?

– Почему пересматривал? – Он пожал плечами. – Перечитывал.

– Фильм мне понравился больше, читать очень уж муторно, – заметила я.

– Как скажешь, – он снова пожал плечами, но улыбаться не перестал – смотрел серо-стальным взглядом прямо в глаза так, что я даже смутилась.

– Я кино больше люблю смотреть. Книгу, пока дочитаешь, уже десять фильмов вышло и еще десять сиквелов и приквелов, – объяснила я.

– А какой жанр тебе больше всего нравится?

И вдруг слово за слово выяснилось, что вкусы к кинофильмам у нас почти совпадают. Только все фильмы в жанре фэнтези и фантастики Макс еще и перечитал. Это было удивительное открытие. Словно в соседней комнате, дверь в которую, ты думал, надежно заперта, вдруг обнаружилась коллекция картин или еще чего-нибудь увлекательного и диковинного.

– Далеко живешь? – спросил он, когда тема про киноленты исчерпала себя, а мы остановились возле светофора.

Я указала на компанию блеклых хрущевок через дорогу.

– Провожу, – констатировал он, – а то девицы пропадать начали. Аж по две штуки за раз.

– Боишься, что всех расхватают и на твою долю не хватит?

– Не, – он достал из кармана толстовки пачку мятного «Орбита», предложил мне и после щелчком отправил подушечку в рот, – я свою долю сам определяю, независимо от обстоятельств.

– Ладно, идем. Дружеская поддержка мне сейчас не помешает. А то Таська убежала моя.

– Да и хорошо. Мне она вообще не нравится.

Я не знала, что ответить на подобное заявление. Макс Таське не нравился тоже. И я поинтересовалась:

– А ты где обитаешь?

Он как-то погрустнел и невесело подтвердил:

– Точно сказано. Обитаю. Остановка отсюда, вон там высотка, видишь? – Он указал на красно-кирпичный дом этажей в двадцать пять.

Я помнила этот дом: подземный гараж, консьерж и все такое.

– Ага, элитный домишко.

– Это для тебя важно? – Макс как-то странно посмотрел на меня, будто решал, стоит ли вообще со мной разговаривать.

И я вдруг почувствовала себя как та маленькая японская женщина из сказки, которая приманила дикого зверя и боится спугнуть, потерять доверие.

– Нет, не важно, – ответила я. – Просто теперь знаю, где ты живешь. Через мой двор добираться неудобно будет, крюк придется делать.

– Ничего, переживу, – усмехнулся Макс, – должен же тебя кто-то проводить в нынешней неспокойной обстановке. Тем более при такой трогательной и беззащитной внешности.

– У меня беззащитный вид?

Я никогда не рассматривала себя с этой точки зрения и задумалась: может, действительно от перемены имиджа и поведение меняется? Недаром я вчера чуть концы от страха не отдала, возвращаясь с подготовительных курсов.

– Еще какой! Любой маньячелло позарится. Даже если до этого и не имел дурных намерений, – пообещал Вербицкий.

– Макс, прекрати меня запугивать, – я дружески шлепнула его по плечу. – Мне тут трижды в неделю темной ночью с курсов возвращаться придется.

– А хочешь, я тебя буду возле метро встречать? – неожиданно предложил он. – Мне все равно вечерами делать нечего.

– Нет, спасибо. Это, наверное, уже лишнее. Достаточно того, что ты меня сейчас провожаешь.

Он опять пожал плечами. Мы помолчали.

– Что за курсы?

– В медицинском, – коротко ответила я.

– Врачом хочешь быть?

– Вообще, нет. Мама хочет.

– Зачем же ты соглашаешься?

– А что я могу?

– Ты можешь сама решать, что или кто будет присутствовать в твоей жизни. – Макс многозначительно посмотрел на меня: – Ты чего хочешь?

– Я не знаю, – промямлила я. Казалось, что я на собеседовании по определению будущей профессии. – Я знаю, чем люблю заниматься. А кем быть хочу – не знаю. А ты? – Я решила перевести тему, потому что чувствовала, что тону и ответить на его прямой вопрос мне нечего.

– В военмех готовлюсь, – Макс машинально подтянул рукава толстовки, и я заметила на внутреннем сгибе локтя татуированную надпись. Латинские буквы, вроде группы крови. В средней школе, когда появился новенький с татуировкой на руке, которую он пытался прятать под длинными рукавами, весь класс только о ней и говорил. Нашим тринадцатилетним пацанам украсить себя чем-то подобным в голову тогда еще не приходило.

– Военное дело уважаешь? – удивилась я. Хотя чему тут было удивляться: он был весь такой брутальный-пребрутальный и органично представился мне в камуфляже с ног до головы.

– Не особо. Там комнату в общаге могут выделить сразу. Да и с компами я на «ты».

Незаметно, за разговором, мы подошли к моему дому.

– В гости напрашиваться не буду. – Макс улыбнулся, но в уголках его губ я заметила нечто совершенно противоположное сказанному и поспешила заверить:

– В другой раз. Ладно?

Я ведь знаю, как легко меня уговорить пообщаться с приятным человеком. А ведь еще полчаса назад Вербицкий мне таковым не представлялся.

– Ловлю на слове! – сказал он и перекинул рюкзак на другое плечо.

Протянул на прощание руку. И тут я заметила в боковом сетчатом кармашке его сумки того самого мерзкого игрушечного паука, которого мне кто-то сегодня бросил на парту. И теперь ясно, какой урод это сделал!

– Знаешь что, Вербицкий, – я поискала куда спрятать руки и демонстративно завела их за спину, – я тебя, конечно, плохо знаю, но такой подлости все-таки не ожидала.

– Не понял, – он нахмурился и заледенел.

Я кивнула ему на рюкзак, и он оглянулся, не сознавая в чем дело.

– Паук. У тебя. В сумке, – пояснила я.

Макс скинул рюкзак и принялся разглядывать мерзкое создание сквозь сетчатую ткань, будто впервые увидел. Потом сокрушенно покачал головой. Я надеялась, что это знак раскаяния, но прощать его даже не собиралась. Знать его до сегодняшнего дня не знала и дальше тоже не хочу.

– Дура ты, Лерка, – вдруг сказал он, развернулся и бросил через плечо: – Это Саура паук.

Я смотрела в черную широкую спину, и мне было стыдно. Словно я не прошла испытание и спугнула доверившегося мне дикого зверя.

Глава 3

Ангел в преисподней

В субботу вечером я в одних трусах стояла перед выбором. На диване лежали узкие голубые джинсы и короткая оранжевая юбка.

Глупо, решила я, идти в юбке туда, где рядом со мной будет скакать, подпрыгивать и извиваться тысяча потных тел. Выбор оказался очевиден.

Одевшись и подведя глаза так, что едва не превратилась в панду, я спустилась на второй этаж. Вопреки ожиданиям, Таська пригласила на концерт только меня и никакой ухажер не был сегодня допущен сопровождать именинницу.

Я вручила ей подарок – коробочку с губной помадой кричаще-морковного цвета, самого Таськиного любимого. С порога выкрикнула ее маме поздравления, и мы отчалили. В клуб прибыли впритык, но нам – людям опытным – было понятно, что главное действо начнется еще не скоро. Уж точно не в заявленное в билетах время.

На разогреве были какие-то наши рэперы, да и те еще не приступили. В зале носился запах предвкушения, адреналина и мохито. Было слышно, как разминались барабаны и электрически взвизгивала гитара.

Мы прошли в фан-зону – самое близкое место возле сцены, – потолкались немного, и Таська предложила:

– Двинем в бар! У меня все-таки день рождения!

В баре толкался и гудел народ, на диванчиках жались пары, подпирали стены фанаты. Мы подкараулили, когда освободится пара высоких табуретов, и принялись выбирать подходящего человека, который согласился бы купить нам выпивку. За наш счет, разумеется. Таське, с ее ростом, и мне, с моими наивными глазами, алкоголь не продают. Ни под каким видом. Когда с нами тусил Гор, еще был шанс заполучить коктейли без посторонних. Теперь эти времена в прошлом. Поэтому приходится просить незнакомцев, желательно женского пола, чтоб потом не приставали.

Мы стреляли глазами по людям. Народ занимался своими делами, и никто на нас не обращал внимания.

Но тут мы увидели ангела! На вид ему было чуть за двадцать, стройный и изящный. Он медленно пробирался к стойке сквозь толпу, и крылья его были не видны. Может, конечно, никаких крыльев у него и не было, но при таких правильных чертах, нежном румянце, ясно-синих глазах и белокурых волосах до плеч их отсутствие было более чем странно.

Мы, синхронно с девицами за соседним столиком, как флюгера под ветром, повернули за ним головы. Печально-синий взор Джареда Лето остановился на мне, и лицо озарила улыбка.

Прекрасный юноша добрался до нашего обиталища и небрежно взмахнул рукой, как старым знакомым.

– Молодой человек, – взволнованным карканьем обратилась к нему Таська. Но тут же пришла в себя, откашлялась и бархатно промяукала: – Не могли бы вы нам принести по коктейлю? Мы документы дома забыли, – она кокетливо захлопала ресницами и протянула ему купюру.

Ангел безмолвно взял деньги и отошел.

– Он мой, – глядя в элегантную спину, прошипела Таська.

Я согласилась. По моему мнению, лицо его было чересчур красивым, но губы слишком узки, а пальцы излишне тонкие и изящные. Почти как мои. К тому же Таська коллекционирует поклонников, а мне Гора, кровь из носу, требовалось вернуть. Вместе с ним я потеряла статус примадонны и внимание всей школы. А восхищение и внимание подпитывало меня и доставляло жизненный кайф, как наркотики торчку. Да я и была зависима от всеобщего интереса к моей персоне. Отпал Егор, и ажиотаж, вызванный нашими отношениями, немедленно угас. Меня больше не провожали завистливыми взглядами, не пытались мне подражать, не роняли яд с клыков, не шипели в спину. Меня просто перестали замечать. А это было гораздо хуже, чем ненависть и зависть.

Пока наш добровольный помощник не возвратился, мы оценили его серый пиджак от Гуччи, узкие черные брюки и замшевые ботинки.

Он поставил перед нами два высоких стакана с бордово-красным содержимым.

– Никита, – представился он, глядя на Таську. По мне лишь скользнул голубой молнией и отвел глаза: – Лучше просто Ник.

– «Кровавая Мэри», Ник? – Таська ухватила соломинку губами.

– Да. Подходяще?

Он присел на свободный стул рядом со мной, откинулся к стене и положил локоть на стол. Я расслабилась, глазела на посетителей бара и предоставила Таське вести завоевательные войны.

– Ты не сказала, чего хочешь, я взял на свой выбор, – сказал Ник: – Нравится, сестренка?

Это он мне! Я чуть не подавилась. Сидела, размышляла о потерянном статусе, и тут он накрыл своей ладонью мою руку. Я отпрянула, как испуганная лошадь. Не то чтобы он мне не понравился или я сохраняла преданность данному Таське слову – нет. Просто он застал меня врасплох, когда я мысленно строила план стратегии возврата собственной популярности, и новые знакомства в него не входили. Но ангел почему-то презрительно изогнул губы, как будто я была просто обязана откликнуться на проявленное ко мне внимание. Его обида меня не удивила – подобные красавчики считают, что любая девушка будет рада даже мимолетному общению, не то что за руку подержаться!

Ник убрал руку, откинул назад светлую гриву и перевел взгляд на Таську. Она, в свою очередь, сердито стрельнула по мне глазами и продолжила атаку на ангела.

Он крутил в руках золотую зажигалку «Давыдофф» и улыбался профессиональной улыбкой охотника. Кажется, Таська ничего не замечала. Или ей это нравилось.

– Любишь «Die Antwoord»? – Она продолжила наступление.

– О да. Отличный драйв!

– А у меня сегодня день рождения! – вспомнила Таська. – Присоединяйся! Только, – она слегка подкисла и поморщилась, – тебе придется снова за выпивкой идти.

– Не вопрос.

Таська полезла за деньгами, но Ник поднялся со своего места и со словами: «Я угощаю» плавно, как танцор, двинулся сквозь толпу к стойке бара.

– Валери, ты видела? Обалденный какой! – Подруга сияла восторгом.

Я допивала свой коктейль, думая, что следующий, вероятно, будет лишним, но, как ни странно, опьянения не ощущала. Наоборот, во мне рождалось необъяснимое чувство счастья, плавно переходящее в восторг. Ритмичная музыка, доносящаяся из зала, поглощала звук разговоров, воздух сгустился и приобрел консистенцию тумана. Розоватого цвета.

Вернулся Ник.

– С днем рождения! – Он приподнял прозрачную рюмку.

Таська отхлебнула багровую жидкость из своего бокала. Я тоже попробовала. Сладко-вишневый вкус маскировал горечь виски.

– Что это? – снова полюбопытствовала Тэсс.

– «Кровь и песок».

– Что-то тебя на кровавые дела тянет. А, Ник? – подмигнула ему поплывшая Таська.

Он рассмеялся и чиркнул зажигалкой. Оранжевый огонек заплясал в его руках, отражаясь в стекле полупустых стаканов и глазах небесного цвета.

Из зала оглушительно рванули ударные, и визг впечатленных фанатов затопил пространство вокруг. Таська встрепенулась, заглотила свою «кровь с песком» и потащила меня за руку:

– Ник, идем с нами! Начинается! – Даже ангельское лицо не способно удержать Таську от получения адреналина.

От нетерпения она притоптывала высокими тяжелыми ботинками на шнуровке, которые чутка увеличивали ей рост и позволяли беззастенчиво резвиться на

танцполе, не боясь отдавленных пальцев ног.

Ник посмотрел на нее поверх пламени, затем перевел взгляд на меня:

– Мои места в ВИП-зоне.

Таська присвистнула и дернулась было на выход, но Ник подался вперед:

– Номерок телефона подкинь. После концерта увидимся.

Подруга охотно надиктовала ему свой номер, и мы рванули внутрь.

На сцене бесновался бритоголовый солист, рядом терзала микрофон наивного вида малышка-альбиноска. Счастливая публика выла и жалась к сцене.

Я, заряженная двумя коктейлями и общим возбуждением, прыгала в такт с толпой, размахивала руками и визжала так, что у самой закладывало уши. Вообще-то, я не любитель подобных групп. Дискотеки, мелодичные песни, популярная музыка – все, что может сопровождать танец, – это мое. А рэп, тяжелый рок или металл меня никогда не интересовали. Я слушала все эти творения в угоду Гору и Тэсс. Но сегодня случилось неожиданное: ритм подхватил меня, потащил за собой, заставляя скакать, упиваться звуками, не обращая внимания на таких же сумасшедших, которые бесновались рядом.

Адское действо продолжалось, и я уже перестала различать что-либо, кроме световых пятен в глазах.

Опьянение накатило неожиданно, накрыло с головой. Я остановилась и сжала виски ладонями. Если бы я в тот момент умерла, то простояла бы до конца мероприятия как живая – настолько плотно теснилась вокруг меня толпа.

Раздавая пинки и тычки, я прорвалась к выходу и завалилась на первый же диван у стены. Верх и низ поменялись местами, потом еще раз. И снова. И опять. Вскоре я уже неслась на одноместном самолете в глубокий штопор.

– Вэл! – Из стремительного пике меня выудил знакомый голос. До боли знакомый. Такой притягательный и заманчивый. Волшебный. С легкой хрипотцой

и насмешливыми нотками.

Приподнявшись на локте, я надеялась убедиться, что это не сон, не пьяное видение, а реально настоящий живой Егор Кисличенко. Причина моих страданий и нервного состояния. Гор.

Я попыталась ухватить край его рубашки, но почему-то промахнулась и сцапала воздух. Видимо, он все-таки был плодом моего воображения.

Егор рассмеялся и присел рядом, бесцеремонно закинул руку на спинку дивана, обнимая меня за плечи.

– Вот не ожидал! Ты что тут делаешь?

– Днюху Тэсс отмечает, – я потерлась щекой о сгиб его локтя.

Вместе с легким запахом ванили меня окутали воспоминания. Мы в вагоне метро: поздно, пусто и слишком ярко светит потолочная лампа. Нас это не смущает. Мы целуемся, задыхаясь, не прекращая, до самой станции. Чуть не пропускаем свою остановку, выскакиваем на платформу, держим друг друга за руки. Или поход к тату-мастеру: две ящерки. Одна изогнулась на моей лодыжке, другая – на его. Если встать рядом, то из них получится сердечко. Правда, свою я так и не набила. Егор меня почти уговорил, но я испугалась, и в итоге половинка сердца осталась только у меня. А у него – ящерка на ноге и ледяное безразличие. Я тряхнула головой, удивляясь столь романтическим воспоминаниям. К Егору по-настоящему меня никогда не тянуло. Могла ли я сказать, что люблю его? Не знаю – мы были отличным тандемом, командой, тусовкой. И эту сплоченность необходимо было вернуть. Я собиралась закончить школу королевой, я просто обязана была остаться в памяти остальных самой яркой звездой. А для этого мне необходим Гор.

– Почему мы не вместе, Вэл? – Егор ткнулся лицом мне в волосы, глубоко вдохнул.

– Ты меня бросил.

– Тебе идет, – он провел ладонью по коротким волосам на моем затылке, – но ты какая-то другая стала. – Он вздохнул нарочито печально: – Я скучаю, Вэл.

Он точно мне мерещился. Не мог он такое сказать. Разве что под кайфом. Я заглянула в темные зрачки. Точно – под кайфом.

– Не похоже, чтобы ты скучал, – я вспомнила Японку.

– Опять ты начинаешь!

Он вскочил, и я со злорадством заметила на рукаве его белой рубашки розовый след от моей помады.

А потом Гор исчез. Как и все остальное. Зато появился ангел. Он потряс меня за плечо:

– Эй, сестренка, все хорошо?

Я сфокусировала взгляд на его лице, но оно оставалось размытым, как смазанная акварель. Ник обхватил меня и повлек куда-то. Оказалось, он достаточно крепок, чтоб волочить полупьяную девицу.

– Мы куда? – Я попыталась стопорнуться, но ноги решали, что им делать, сами, без моего участия.

– Домой, конечно!

Я засмеялась: откуда Нику знать, где я живу? Да и без Таськи я не поеду. Видимо, сложная гамма чувств отразилась на моем перекошенном лице с размазанной помадой, и охранник, стоявший в дверях, шагнул нам навстречу.

Ник мгновенно изменил направление:

– Идем ко мне, в ВИП. Кофе выпьешь.

От кофе я не отказалась, и мы поднялись на второй этаж.

Надо же, как меня развезло всего с двух коктейлей, сокрушалась я то ли про себя, то ли вслух. По всей видимости – вслух, потому что Ник по-братски, утешая, похлопал меня по плечу и усадил на глубокий плюшевый диван.

Через минуту официантка в короткой юбке принесла малюсенькую, как мерный стаканчик от детского панадола, чашечку черного кофе для меня и рюмку водки для Ника. Я заметила, что ангел даже не проводил взглядом ажурную резинку ее чулок.

– Пей, сестренка, полегчает, – прокричал он мне сквозь оглушительные вопли со сцены и рев поклонников.

Я послушно взяла двумя пальцами горячий наперсток, который здесь именовался чашкой, и пригубила.

А на сцене творился ад, дублируемый двумя большими экранами наверху.

Ник напряженно следил за происходящим, и уголки его губ нервно подрагивали в такт речитативу.

– Питбуль – омерзительный человек-пес в строгом ошейнике кидался по сцене из стороны в сторону, приводя публику в восторг. Он сбил с ног гитариста и набросился на него. Во все стороны запульсировали кровавые фонтаны. Я закрыла глаза. В жизни бы сюда не пришла, если б не Таська!

– Отвезу тебя домой. Я на машине, – снова проорал мне Ник сквозь грохот.

Я с сомнением посмотрела на очередную рюмку и поглубже закопалась в диван.

Апофеозом и заключительным аккордом стал огненный взрыв и расползающийся следом угольно-черный туман. Засим концерт был окончен.

Ник вглядывался в экран, сжимал длинными пальцами зажигалку, и лоб его покрылся испариной. Он будто вбирал в себя все детали дьявольского действа. Я не вынесла этого зрелища и зажмурилась.

– Ну что, сестренка, поехали?

Пришлось открыть глаза. Ник расслабленно, будто получив разрядку после тяжелой работы, сидел, откинувшись в кресле.

А мне срочно требовалось выяснить, где находится Таська. Я аккуратно вытащила телефон из заднего кармана джинсов, и тут проклятый гаджет выскользнул у меня из рук и шмякнулся на пол. Мой любимый беленький телефончик с пунцовым сердечком на корпусе! Ник оказался проворнее. Он схватил аппарат и принялся быстро листать его содержимое, нажимая невидимые кнопки.

Я оцепенела. Позволить кому-либо копаться в своем телефоне – невозможно! Это значило вывернуть наизнанку самоё себя, пускай даже там ничего нет постыдного, глупого или гадкого. Содержимое записной книжки, сохраненные видео, плей-лист, закачанные книги – это я сама. Это – личное, и этим все сказано.

Забарахтавшись в плюшевом нутре дивана, я попыталась выкарабкаться, и Ник снова опередил меня. С вежливой улыбкой акулы он вернул мне телефон. Я быстро набрала Таську, и через полчаса мы стояли на улице, выискивая наше такси среди одинаковых бело-зеленых «шкод».

Усаживаясь в машину, я увидела Ника. Он опирался на капот потрепанного BMW и провожал нас глазами.

Глава 4

Пустые надежды

В воскресенье у меня раскалывалась голова и болели все мышцы, будто по мне пробежался табун бегемотов. Это было непривычно, учитывая, что нагрузки на репетициях гораздо выше, чем при бестолковом прыганье на концерте. Воспоминание о том, что теперь я лишена своих занятий в танцевальной студии, привело меня в полное уныние, и я полдня провалялась в постели. Несмотря на мамино приглашение прогуляться по парку. Тому самому, который по ночам ни фига не освещается.

Я потянулась за телефоном и услышала, как хлопнула входная дверь. Ну вот, мама ушла одна, а я еще даже не завтракала. Я выползла на кухню, налила себе чаю и врубила музыкальный центр на полную мощность. Для поднятия настроения. Но музыка не потребовалась, и лампочка счастья в груди зажглась сама по себе. На экране телефона висел смайлик-сердечко. Трясущимися от нетерпения пальцами я сняла блок и уставилась на данные отправителя. Номер скрыт. И тут же засекреченный абонент отправил мне следующее: «Почему ты ушла от меня?»

Ну так и есть, точно, уверилась я – Егор шлет мне примирительные эсэмэски. Значит, вчера в клубе он мне не примерещился, не явился в пьяном бреду, а был на самом деле. И история наша еще не закончена. И у меня есть шанс вернуть его. Непонятно, правда, почему пишет со скрытого номера.

«Гор, это ты?» – уточнила я.

«Можешь называть меня как тебе нравится. Только, пожалуйста, вернись. Не отталкивай меня».

Я отложила телефон. Быть может, это вовсе не Егор пишет мне? Что за странные шутки?!

Лампочка счастья помигала-помигала и выключилась. Тут же появилась еще одна эсэмэска, уже от Верочки – моей тренерши.

«Валерия, добрый день. Почему ты не посещаешь занятия?»

Пришлось ответить ей, что до каникул на занятиях не появлюсь и в Москву на конкурс не поеду. И все из-за мамы.

Оставшиеся полдня я провалялась на диване, пересматривая навеянный недавним разговором с Вербицким «Властелин колец» и чувствуя легкую неловкость за наш с ним первый и, по всей вероятности, последний разговор.

В понедельник Макс на первый урок не явился, зато Кисличенко присутствовал во всей красе.

Даже не пытаясь вникнуть в объяснения физика на тему преломления света, я сидела, подперев ладонью щеку, и рассматривала темно-русый затылок. Гор всегда сидит на первой парте, в попытке произвести хорошее впечатление на учителей, потому что напрягаться и зубрить предметы он не способен – ему некогда. А смазливая мордашка и внимательный взгляд зачастую прокатывают, имеют некоторую степень воздействия. Особенно на училок.

На перемене Таська прижала меня к стенке:

– Хватит уже позориться. Скоро над тобой вся школа будет ржать. Даже младшеклассники.

В ответ я поднесла к ее лицу телефон со вчерашними эсэмэсками.

– Тогда иди и поговори с ним! – изрекла Таська.

– А если это не он?

– Все равно иди и разрули эту проблему. Задолбала своими страданиями!

Мне бы ее решительность!

– Тэсс, но если выяснится, что это не он, то у меня не останется никакой надежды! – Я чуть не плакала.

– Тем лучше, – Таська была непреклонна, – нельзя жить в бездействии, пустыми надеждами.

Я набрала воздуха в легкие, будто собиралась нырять с большой высоты, и отправилась навстречу дневному свету: Егор стоял, привалившись к подоконнику, не отлипая от телефона. Как только человек остается в одиночестве, у него в руках появляется верный друг и товарищ – телефон. Он используется в любой неловкой ситуации, для заполнения пауз, рассеивания скуки и просто для развлечения. Нет предмета (так и хочется сказать «существа») полезнее и надежнее, чем маленький удобный гаджет. Я шагала, рассуждая таким образом, пораженная идеей, почему же мне раньше не пришло в голову побеседовать с Кисличенко в личке ВК или по «Вайберу», но уже

оказалась возле окошка.

– Привет, – прислонилась я к подоконнику рядом с ним.

Он запихал телефон в задний карман джинсов, и я забарахталась в омуте зеленых глаз. Позабыла все, что хотела сказать, потеряла всю свою уверенность и внушенный Таськой напор.

– Привет, – он белозубо улыбнулся, сразив меня искренней радостью.

Оторвался от подоконника и встал напротив, так что можно было в деталях, до последней ресницы, разглядеть его лицо.

– Ты был в субботу на «Die Antwoord»?

– Конечно.

– Но это же не совсем твое… – Мне трудно было приступить к намеченному разговору.

– Твое не твое! Они раз в пять лет приезжают. Я ж не дурак пропустить такое, – он зацепил большие пальцы за карманы джинсов, подался чуть вперед и понизил голос: – А ты что, не помнишь, что мы с тобой там виделись?

Я открыла было рот, чтоб задать мучивший меня вопрос об эсэмэсках, как вдруг из-за его спины показалась Японка. Для меня ее появление оказалось пришествием черноволосого призрака из телевизионного экрана в фильме «Звонок». Так же неприятно и неотвратимо. Девчонка повисла на плече Егора и уставилась на меня.

– Привет, – дружелюбно сказала она, – я Инга. Из параллельного. Еще не со всеми познакомилась.

– Очень приятно, – мрачно процедила я, глядя, как энергично она подхватила Кисличенко под руку.

В белой блузке, с расстегнутой верхней пуговицей, в темно-синем галстуке и таком же пиджаке, она являла собой отличницу-красавицу из «Лиги плюща» в стандартных американских комедиях.

«А может быть, и в фильмах ужасов», – недобро подумала я.

– Вэл тоже была в субботу на «Die Antwoord», – пояснил ей Гор.

Боже мой, он еще перед ней отчитывается, о чем мы тут разговаривали!

Японка начала что-то восхищенно болтать о концерте. Оказалось, что она тоже там веселилась. Скорее всего, с Егором.

Я отползла по подоконнику в сторонку, обогнула эту парочку и, сделав им ручкой, отправилась в кабинет продолжать растравлять свои раны и пускать себе кровь.

– Ну что? – склонилась ко мне Таська, благо ОБЖшник не требовал никакого внимания и тихонько сам с собою обсуждал правовые основы чего-то там.

– Ничего. Всё!

– Ничего не всё. Попытаешься снова. Ну подумаешь, обиделся, что татушку не сделала! Поговоришь, извинишься и делов-то!

– Ага, – согласилась я, понимая, что этого не хочу.

– А мне Ник звонил, – похвасталась Тэсс: – Встречаемся сегодня.

– Поздравляю, – промямлила я.

Ангелоподобный Ник был первым, о ком подруга моя заговорила с таким восторгом. Видать, зацепило ее. Ну что ж, не всем же быть неудачливыми в любви и ссориться со своими половинками, не поняв, к чему идут отношения и есть ли они вообще. Я снова погрузилась в пучину тоски и уныния.

– Отвали от нее! – вывел меня из глубин самобичевания Таськин возглас.

– Я не с тобой разговариваю, Шевцова! – рявкнул Вербицкий позади меня.

Я оглянулась.

– Лера, чего на физике было? Дай переписать, – сказал он, и я послушно полезла в сумку.

– Что, не у кого больше попросить? – продолжала скандалить Таська.

– Не у кого, – огрызнулся Вербицкий, – вокруг одни злобные жабы, вроде тебя. Одна Лерка – нормальная.

Я скорчила Таське гримасу, чтоб она отстала от человека. Меня переполняла острая жалость к себе, которая имела тенденцию выплескиваться на окружающих. Макс оказался в пределах покрытия этого всепоглощающего чувства, тем более я считала себя несколько виноватой перед ним за паука, которого он мне не подбрасывал.

– Вот, – я шлепнула ему на парту тетрадь с изображением зубчатых колес и старинной паровой машины.

Он двинул тетрадь к себе, но я придержала ее и протянула ему мизинец:

– Не обижайся за паука. Ладно? Я протупила тогда. Понятно, что не ты бросил мне эту тварь на парту. Не обижайся, окей?

– Забыли, – сказал Макс и потряс мой мизинец своим.

– Ты чего первый урок пропустил? – Мне не хотелось на этом заканчивать примирение. Казалось, что-то недоговорено. Я развернулась на сто восемьдесят градусов, оказавшись напротив него, и поджала под себя ногу.

– Дела были, – поморщился Макс. – Понимаешь, мне физику сдавать, надо же как-то готовиться.

– А я с химией мучаюсь, – пожаловалась я. – Терпеть ее не могу, но надо! Мама с меня не слезет, пока в медицинский не затолкает.

– Кстати, по каким дням у тебя занятия? – Он вскинул серо-стальные глаза.

– Понедельник, среда, пятница, – отчеканила я, потому что прекрасно помнила расписание, которое напрочь перекрывало мои занятия в студии стрит-дэнса. – А что?

Ответить он не успел, нашу беседу прервал ОБЖшник:

– Тихонова, Вербицкий, имейте совесть! Любезничайте на переменах и за пределами школы, пожалуйста. Хоть поженитесь там!

Я извинилась и вернулась в исходное положение. Но, когда я поворачивалась, с первой парты на меня сверкнули две зеленые молнии под удивленно поднятыми бровями.

– В принципе, – прошелестела мне Таська, – это неплохой способ.

– Ты о чем?

– Вызвать ревность. У Кисличенко сейчас чуть глаза не вывалились, когда ты к этому на парту повернулась.

– Да я и не пыталась, – начала оправдываться я, – мы просто общаемся.

Таська хмыкнула и покосилась назад.

– Если приглядеться, то он ничего, – признала она, – хотя чисто Дарт Вейдер! Но дело твое.

– Сказала же я тебе – мы просто общаемся!

На этом вопрос был исчерпан.

Но на занятиях подготовительной группы в институте Таськины слова не давали мне покоя. Я все думала о том, что, может, и неплохо вызвать у Егора ревность, но это было бы непорядочно по отношению к Максу. Он ни сном ни духом не чуял про наши с Гором непонятки, не претендовал на мое внимание, не приглашал в кино или еще куда-нибудь. Не ухаживал, одним словом. А уж зная об их с Кисличенко взаимной неприязни, вообще страшно подумать, что могло бы случиться, приревнуй Егор меня к Максу! Тем более у нас с Вербицким потихоньку складывалось такое хорошее дружеское общение. Жаль было бы разорвать эту нить. У меня никогда еще не было мальчиков-друзей. Это у Таськи целая куча поклонников, товарищей, приятелей и просто знакомых.

Я пришла к выводу, что своего единственного дружески настроенного парня надо беречь. В том числе и от Таськиных придирок. И вообще от окружающих. Но я вовсе не собиралась объявлять во всеуслышание, что дружу с Максом Вербицким. В нашем классе подобное не приветствуется, а мне следует подумать о моем положении в обществе.

Занятия закончились, и я, не вступая в разговоры ни с кем из местных ботаников, поехала домой.

Когда я вышла из метро, уже стемнело. Я застегнула плащик на все пуговицы, подняла воротник, но прохладный ветерок пробирался в открытый ворот и лизал коленки сквозь тонкий капрон. Чернильное небо было сплошь запятнано мелкими ясными звездочками, от чего мое нетерпеливое желание попасть домой усилилось. Не люблю звезды – они доказывают мою ничтожность на фоне огромного мира.

Фонари вдоль дороги светили каким-то мертвецким светом, деревья отбрасывали неспокойные тени, из парка тянуло болотной гнилью.

За каждым стволом мне мерещился преступник. Ну зачем мне Макс про маньяков рассказал! И про то, что я для них стала не в меру привлекательна!

Стараясь не смотреть по сторонам, я ускорила шаг. Сухие листья с шорохом кидались мне под ноги. Где-то вдалеке завыла автомобильная сирена.

Краем глаза я уловила движение вдоль аллеи старых лип. Человеческий силуэт с грацией черной пантеры передвигался от одного ствола к другому. Деревья суетились и бережно передавали его друг другу, как эстафетную палочку. Спотыкаясь о выбоины в асфальте, я побежала.

Темная фигура метнулась наперерез. Я сжалась и закрыла глаза. Моя ладонь, державшая ремешок сумки, мгновенно вспотела, по спине побежал тонкий ручеек, а ноги ослабли. Я стояла в ожидании нападения, а уши мои пронзал свист ветра и надрывный вой сирены в соседнем дворе.

– Лерка, Лер, – кто-то настойчиво потряс меня за плечо, – все в порядке?

– Макс! – Я шмыгнула носом и закусила губу, чтоб не расплакаться.

Как же я была рада видеть его сейчас, в эту минуту, когда до гибели оставалось мгновение! А то, что мне непременно грозило полное физическое уничтожение, я нисколько не сомневалась. Не говоря уж о пытках, насилии и прочих надругательствах. Причем прямо на месте.

– Как хорошо, что ты меня нашел! – Я схватила его под руку, сжав так, как утопающие не хватаются за спасательный круг. – Проводи меня, пожалуйста. Мне страшно!

– Я же обещал. Для этого и шел. – Он говорил так уверенно и спокойно, что мне сразу полегчало. – Опоздал немножко, меня задержали, извини.

Я покачала головой: он еще извиняется. Забавно. Хорошо все-таки иметь в друзьях мальчишку. Такого большого, сильного и надежного.

Крепко вцепившись в рукав его куртки, я плотно прижалась к Максу и старалась попасть в такт его шагам. Под его защитой аллея уже не казалась мне такой темной, но краем глаза я все же опасливо поглядывала в сторону старых липовых деревьев. Я была уверена, что где-то среди них затаился тот, от кого чудесным образом спас меня Вербицкий.

Мы миновали ряды черных тополей, вереницу неприглядных хрущевок и остановились возле моей. Я открыла дверь и заглянула в парадную: света опять

не было. Только темные стены и лунные отпечатки окон. Макс подтолкнул меня внутрь и ввалился следом. Дверь захлопнулась. Я поставила ногу на первую ступеньку, и тут он взял меня за руку. Просто взял своей ладонью мою, но словно тяжелый рюкзак скинул с моих плеч. И подниматься вдвоем по мрачным лестничным пролетам оказалось совсем не страшно.

В полной темноте я на ощупь открыла замок.

– Проходи, – пригласила я и включила бра в прихожей.

– Неудобно, поздно уже, – он мялся на пороге, как медведь перед ульем, – и хочется, и колется.

– Удобно. Мамы нет, она на сутках. Тем более что я обещала тебя в гости пригласить. Чаем напою, – я улыбнулась. – Должна же я тебя как-то отблагодарить за спасение жизни.

– Тогда лучше накорми меня, – предложил он, сбрасывая рюкзак и одновременно стягивая куртку. – Дома сегодня не был: жрать охота – сил нет.

Я отправилась шарить в холодильнике.

– Ты курицу ешь? – Мамина фирменная запеченная целиком птица золотилась на полке в окружении помидоров и болгарского перца. – А овощи? – крикнула я, не зная, чем потчевать неожиданного гостя.

– Я ем все, что не приколочено, – Макс вошел в кухню и быстро освоился, заняв мой любимый стул возле окна.

Я настрогала салатик, поставила все на стол и с умилением наблюдала, как еда, которой нам с мамой хватило бы на неделю, почти полностью исчезла в течение каких-то жалких десяти минут. Хорошо, что сама успела отхватить куриную ногу и половину помидора.

– Действительно, все, что не приколочено, – со смехом согласилась я, наливая чай. – Как тебя из дома-то не выгонят?

– Выгонят, только не за это.

– А за что? – Это было уже интересно.

– За плохое поведение.

– Маму не слушаешься? – подмигнула я.

Макс на секунду закаменел лицом, но после ответил в той же шутливой манере:

– Не выгнали же еще. Значит, пока все окей.

Выяснить, что он имел в виду, говоря про плохое поведение, я не успела. Завибрировал мой телефон, и я отвлеклась.

«Хочу, чтобы ты вернулась!» и следом: «Я рядом. Я всегда буду рядом».

Эти две эсэмэски со скрытого номера окунули меня в недавнее состояние паники и неотвратимо надвигающейся беды. Чай мы допивали в молчании.

Не знаю, самостоятельно ли Макс почуял что-то неладное или на моем лице явственно проступало отчаяние, но, одеваясь в коридоре, он поинтересовался:

– Все нормально? Ты в порядке?

И тут меня прорвало. Истерически дрожа губами, я объяснила ему, что я совсем не в порядке и что в нормальном-то состоянии ненавижу ночевать в квартире одна, а после сегодняшнего происшествия и подумать об этом не могу. Только про эсэмэски ничего ему не рассказала.

Он снова снял куртку:

– Если хочешь, я останусь. Не волнуйся, я и на полу могу спать.

Он порылся в кармане, вытащил пачку мятного «Орбита» и отправил подушечку в рот. Даже мне забыл предложить – видимо, я совсем смутила его своими

истерическими излияниями.

– На полу? – Слезы мешали мне видеть, и Макс словно оказался в аквариуме, размытый и затопленный.

– Ну да.

– Останься, пожалуйста.

– Хорошо. Позвоню только домой, чтоб не… – Он помялся: – Чтоб не ждали.

Глава 5

Страшное – смешным

Я снова налила нам чай. Придвинула прозрачную сахарницу поближе к Максу.

– Чего ты боишься, Лера? – спросил он, позвякивая ложечкой о край чашки.

– Сейчас или вообще?

– Допустим, вообще.

– Пауков боюсь, – призналась я.

– Это весь класс знает, – ухмыльнулся он, – а еще?

– Ну, как все, наверное, – я пожала плечами. Кроме паукообразных, ничто не превращало мое сердце в ледяной комок. – Темноты, смерти, преступников и тому подобное. А ты когда-нибудь боялся чего-то абстрактного, но очень для тебя страшного? – решила я перевести стрелки – не все же мне быть экзаменуемой.

– Конечно. Я такой же человек, как и все. Только я знаю, как с этим можно бороться.

– Ну и как же?

– Надо заставить себя выйти навстречу страху. Идти туда, где хуже всего. Туда, где страшнее всего.

– Да? – усмехнулась я. – Рассуждать хорошо, а ты сам так когда-нибудь поступал? Двигался навстречу своему ужасу?

Макс тяжело вздохнул и почесал затылок:

– Приходилось.

– Расскажи, – я села напротив, положила подбородок на руки, ожидая интересного рассказа.

– В другой раз, – пообещал он. – Вернемся к тебе. Чего ты боишься сейчас, конкретно? – Оказалось, нелегко сбить Макса с намеченного пути.

– Ну, – я задумалась, – когда ты здесь, в моей квартире, и везде горит свет, то ничего не боюсь. А на улице мне было страшно, что на меня нападет маньяк. Ты знаешь, – я непроизвольно понизила голос, – мне кажется, что я его видела.

– Быть может, и видела, – Макс был серьезен. Он вовсе не смеялся надо мной, хотя этого я тоже боялась, когда признавалась ему в своих страхах. – Ночью на улицах происходят разные неприятные вещи. – Вид при этом у него был такой, будто он точно знал, о чем говорит.

– И ты мне предлагаешь выйти в полночь на улицу, заглянуть в пылающие огнем глаза моих страхов? Почесать монстров за ушком и погладить их по жесткой щетинке? Познакомиться с подходящим маньяком и пригласить его на чай?

– Меня же ты пригласила, – улыбнулся Макс.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/alekseeva_nataliya/sestrenka-v-sobstvennost-ili-vinovato-foto

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити